

Хлоп.

Тяжелая пощечина ожгла лицо юноши, но тот снес этот удар так, словно вообще не чувствовал боли. Его взгляд погрузился в глухую, мертвую тишину — это было абсолютное, дотлевающее дотла отчаяние человека, чье сердце превратилось в пепел.

— Вот она, женщина, которую ты любил, женщина, на которой ты женился! — Мужчина средних лет в военном мундире, пылая от гнева, указал на комнату. Там, в белоснежном платье, символизировавшем чистоту, сидела хрупкая женщина; даже сейчас, когда ее лицо было залито слезами, она вызывала лишь жалость.

Когда-то сын упрямо спорил с ним и даже грозил разрывом отношений ради женитьбы на этой женщине, и тогда отец уступил. Все эти годы он был занят государственными делами и упустил из виду обстановку в собственном доме, а в семейные дела сына лениться вмещаться не хотел. И хотя эта женщина ему не нравилась, он сохранил лицо сына. Кто же знал, что она способна на такое...

— Разбирайся сам. — Мужчина средних лет с холодным лицом направился к выходу. Однако он не заметил, что дверь была приоткрыта, и мальчик, все это время стоявший в коридоре, оказался на виду.

Его миловидное личико было сплошь покрыто слезами, в глазах читались растерянность и страх. Встретившись с ним взглядом, юноша едва заметно вздрогнул.

Мужчина средних лет холодно глянул на мальчика. Разве бывает так, чтобы дед не любил своего внука? Пусть даже он невзлюбил эту женщину, к внуку он относился с нежностью и заботой. Но после того, что случилось сегодня, мужчина больше не мог смотреть на мальчика прежними глазами. Стоило ему лишь вспомнить о поступках матери ребенка, как в душе невольно завязывался тяжелый узел.

— Вы все перед ним в долгу, — холодно бросил мальчику мужчина средних лет.

На лице ребенка вновь отразились боль и вина. «Этот он» — кто этот человек? Разве мог мальчик не знать?

Во всей этой истории он был невиновен, и этот мальчик, по сути, тоже ни в чем не провинился. Но беда была в том, что главным виновником всего стала мать ребенка.

Даже столь малый возрастом, мальчик прекрасно понимал, какое чудовищное злодеяние совершила его мать. Слова старика, движимого слепым гневом, глубоко врезались в детское сердце.

Мужчина средних лет больше не взглянул на внука и ушел.

Мальчик вошел в комнату и посмотрел на отца с матерью.

— Папа, мама, — его слабый голосок вызывал жалость.

— Линь... Линь, Чжэн, ты ведь не позволишь Линь остаться без матери? — Женщина, сидевшая на полу, при виде сына словно ухватила за соломинку надежды. Полным ожидания голосом она обратилась к юноше: она знала, стоит ее тайне раскрыться, как она лишится любви Чжэна, а вместе с ней — и своего нынешнего положения. Чжэн любил ее... точнее, он любил созданный ею образ хрупкой женщины. Но теперь эта фальшь рухнула до основания — как он поступит с ней? Нет, она не могла потерять место госпожи Вэньжэнь.

— Ты даже Линь готов использовать в своих целях? — юноша горько усмехнулся. Вот она, женщина, которую он сам выбрал.

Линь посмотрел на мать и покачал головой. Это была не его мама. Его настоящая мама не такая. Она не смотрела бы на него столь пугающим взглядом. Сейчас он еще не понимал, что это был за взгляд, но позже осознал: в нем не было ни капли любви — лишь холодное, безумное отчаяние человека, использующего все подряд ради собственного спасения.

— Линь, умоляй отца простить маму! Папа тебя любит больше всех, мама не хочет с тобой расставаться, — женщина снова повернулась к сыну, заговорив тем же мягким, ласковым голосом, что и всегда. Ее жалобный вид некогда заставлял мужское сердце трепетать; юноша когда-то так сильно дорожил этой нежностью и умилялся ее незащитности, но теперь от одного вида ее тошнота подступала к горлу.

Да, он больше всех любил Линь — лишь потому, что тот был ребенком от нее. Он любил ее, а потому баловал Линь. Но после сегодняшнего дня сможет ли он по-прежнему лелеять сына? Зная ее истинное лицо, он чувствовал, до чего же нелепо все, что он делал раньше.

Из-за любви к ней, чтобы отец не причинил ей вреда, он пошел на сделку со старшим Вэньжэнем: он обещал жениться на женщине, выбранной отцом, и родить ребенка, в чьих жилах текла бы кровь обоих родов, но взамен отец не смел чинить препятствия их с ней чувствам.

Ради нее он пренебрегал той женщиной, на которой женился по расчету. Ее лицо давно стерлось из памяти, но он помнил ее гордую осанку. Он даже открыто заявил той невинной жене, что не любит ее, что у него есть любимая. Поскольку та женщина не была ему дорога, он даже не помнил, какое выражение лица было у нее тогда: насмешка, покорность судьбе или равнодушие.

Он любил ее. И в тот самый день, когда законная жена разрешилась от бремени, она тоже родила ему ребенка — его единственного признанного ребенка, дитя их общей любви.

Ради нее, когда законная жена тяжело заболела, он поверил наговорам, будто та хочет

искупить вину и проявить заботу, и привел любовницу в дом, ни секунды не задумываясь о том, что чувствует его жена.

Он любил ее. И потому, после смерти первой жены, невзирая на гнев ее семьи, он женился на ней. С тех пор родные покойной жены больше ни разу не переступали порог его дома, а отец, чувствуя вину перед старым другом, перестал навещать сына.

Он любил ее. Верил ей, верил в ее доброту — в то, что она станет хорошей матерью и позаботится о ребенке первой жены, которого он сам все это время оставлял без внимания.

Но сегодня вся эта любовь и все доверие рухнули в один миг.

Его ребенок от первой жены сегодня едва не утонул в пруду на заднем дворе. Если бы ранним утром ему не вздумалось прогуляться в тех местах и он не заметил в чаще мелькнувший силуэт бегущей женщины, он бы не свернул в ту сторону. Не увидел бы в прозрачной воде замершего ребенка с закрытыми глазами, который без малейшей борьбы смиренно шел ко дну.

Пусть он не любил этого ребенка, пусть питал к нему отвращение — но разве мог человек пройти мимо тонущего малыша? Не умеешь плавать — позови на помощь, но он-то умел. Он сиганул в воду прямо в одежде, чтобы спасти мальчика.

Вытащив на берег ребенка, который даже не попытался инстинктивно барахтаться, он расстегнул его рубашку, собираясь оказать первую помощь, и обомлел: все тело малыша было покрыто густой сетью шрамов — от плетей, ожогов, а будучи выходцем из семьи кадровых военных, он даже разглядел следы от ножа. Ранки были крошечными — не для того, чтобы убить ребенка, а исключительно ради пытки.

При виде этих рубцов в его груди взметнулась буря ярости. Любой посторонний человек испытал бы гнев, увидев такое, что уж говорить о родной крови! Кто посмел истязать его собственного ребенка в его же собственном доме?

Кое-как реанимировав мальчика, он бросился в гараж и помчался в больницу. В ушах до сих пор звучали слова вышедшего из операционной врача, который яростно клеймил позором тех бессердечных нелюдей, способных поднять руку на столь крошечного ребенка.

На вопрос о состоянии врач зло бросил: Жизнь спасли, но он пробудет в коме какое-то время. Если не очнется — останется растением.

Получив этот ответ, он свинцовой походкой вернулся домой. Там его встретила ласковая улыбка любимой женщины, в гостиной витало тепло домашнего очага. Но внезапно он обратил внимание на странную тишину. Его сын чуть не утонул в пруду, а в доме никто даже не заметил его пропажи! Да и его жена... он же помнил, что она умела плавать. Разве добрая женщина осталась бы в стороне?

Нехорошее предчувствие шевельнулось в груди. Осторожно расспросив жену о том, как прошел ее день, он не услышал ни слова о ее визите на задний двор.

Глядя в по-прежнему кроткие глаза жены, он вдруг почувствовал холод. В памяти всплыли прошлые картины: этот ребенок всегда смотрел на них обоих с жгучей ненавистью. Он понимал эту злость, но с каких пор ребенок стал вечно прятать взгляд и утыкаться в пол? Внезапно ему показалось, будто сквозь туман он снова видит тот взгляд мальчишки — взгляд, молящий о спасении.

Оставив жену в неведении, он отправился в отдаленную часть дома — туда, куда, по словам супруги, она переселила мальчика из жалости, дабы не беречь его раны видом ненавистных лиц.

Он отпер дверь. Обстановка оказалась роскошной, но в ней не было ничего детского. В комнате Линь повсюду валялись игрушки, здесь же не было ни одной.

Обыскав все углы, в самом тайном месте он обнаружил альбом для рисования. Его коричневая обложка была покрыта бурыми пятнами — цветом самой запекшейся крови, ведь в комнате не было даже карандаша, и единственной краской, способной заменить чернила, служила кровь, символ жизни.

Дрожащими пальцами он раскрыл альбом. Линии, выведенные бурым цветом, изображали уродливого демона. По детским каракулям невозможно было разобрать, кто это, но ожерелье на шее чудища не оставляло сомнений в том, кем был этот демон. Такое ожерелье он заказывал по индивидуальному эскизу, оно во всем мире существовало в единственном экземпляре.

Это была книга грехов, написанная не кистью, а кровью.

С каких пор он начал испытывать отвращение к этому ребенку? Кажется, тогда, когда мальчик посмел ранить ее. В этот момент перед его глазами отчетливо встало упрямое лицо ребенка и его обиженный взгляд.

Кто-то вошел, не заметив его присутствия. Тот человек был слеп и немой, но именно эта нездоровая немая калека поведала ему правду. Да, этот человек ничего не видел и не мог говорить на языке жестов, но он умел слушать и читать по губам! Испытывая жалость к ребенку, этот человек запоминал каждую мелочь, происходившую здесь все эти годы.

Заручившись услугами профессионалов, он перевел эти толстые записи по чтению с губ. К вечеру перевод был готов. Переводчик смотрел на него полными гнева глазами и бросал в лицо: Ты слепой ублюдок, идиот!

Мальчик лежал в правительственной больнице, и весть о нем дошла до отца. Старик уже побывал там: молча забрав у него материалы, он принялся их читать. С каждой перевернутой

страницей его лицо темнело, под конец он даже закрыл глаза, и в уголках его суровых глаз блеснули слезы.

Он тоже прочитал всё. Он отказывался верить, что женщина, которую он любил, способна на такую змеиную жестокость и бесчеловечность. Но строки в документах били без промаха — сиделка вела записи подробно и аккуратно, слово за словом фиксируя то, что говорила та женщина.

«Мелкий ублюдок, Чжэн даже не посмотрит в твою сторону. Даже если я скажу, что ты ни при чем, он все равно возложит всю вину на тебя, потому что он любит меня. Именно поэтому я намеренно причиняю себе вред — пока ты рядом, он во всем обвинит тебя». Оказывается, тот ребенок вообще ничего не делал.

«Эта твоя мать — подума подумаешь, происхождением вышла чуть лучше, чем я! И возомнила себя хозяйкой дома... Хм, Чжэн никогда не узнает, что я добавила кое-что в капельницу той женщины. Всего пара капель воздуха — и той твари пришел конец». Оказывается, первая жена погибла от ее рук.

«Место госпожи Вэньжэнь принадлежит мне, все эти драгоценности — мои. Чем больше я изображаю равнодушие, тем охотнее Чжэн скупает их для меня. И поделом ему — он же так тащится от женщин с нежной, чистой душой!» Да, пресытившись придворными интригами и устав от холодных политических браков, он жаждал чистых чувств. Нежная, добрая и беззащитная женщина стала его идеалом. Он думал, что встретил такую, а оказалось — фальшивку.

Читая ее психоанализ его собственных слабостей, он вынужден был признать: она знала его как облупленного.

Страница за страницей, грехи и факты. Да, он слепец. Но он все же хотел отчаянно сопротивляться, не желая признавать себя столь жалким, и потому решил поговорить с ней лицом к лицу.

Какая же глупая женщина. Столшись с уликами, она запаниковала, попыталась все скрыть, но в итоге под уловками старика выложила абсолютно всё. А когда правда вскрылась, она еще заявила ему, что всё это ради любви к нему... Ха-ха, как он мог верить ей после такого?

— Не переживай, семья Вэньжэнь не допустит такого позора, — произнес он. Единственное, что нельзя было выносить на свет — это позорный развод с женой, которая измывалась над его законным сыном.

— Чжэн... — женщина одарила его той самой белоснежной улыбкой лотоса, от которой его едва не вывернуло наизнанку. Какая гадость.

— Моя жена внезапно заболела и нуждается в уединении, — холодно бросил юноша, больше не

одаривая ее мягкой улыбкой.

— Нет, Чжэн, ты не можешь так со мной поступить, я же твоя жена! — визжала женщина.

— Свои грехи я искуплю сам, — не слушая ее, юноша вышел к дверям. Эту фразу мальчик и услышал.

Как искупить уже причиненный вред? И была ли та показная родительская ласка, порожденная чувством вины, действительно нужна ребенку, лежащему на больничной койке? Что-то неуловимо ломалось и менялось вокруг, и повернуть время вспять уже было невозможно.

Месяц проведенный в беспомощности ребенок наконец открыл глаза. В его взгляде таилась тяжесть, не свойственная детским годам. Повернув голову, он посмотрел на хмурое небо за окном, протянул руку — так, будто пытался схватить что-то ускользающее, — и беззвучно шевельнул губами. По форме рта можно было прочесть: «Ради тебя». Опустив руку, он снова закрыл глаза.

В палату вошли врачи и медсестры, зафиксировавшие по приборам его пробуждение, и принялись за полный осмотр.

За окном холодный осенний ветер вдруг стал теплым, словно откликаясь на чей-то зов.

<http://bllate.org/book/29422/3575708>